

Эдуард КОПЫЛОВ

г. Петрозаводск

ДНЕВНИК ОДНОЙ СУДЬБЫ

*И снег, и ветер,
И звезд ночной полет,
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.*

Песня иных времен стала как бы отправной точкой моего знакомства с этим замечательным человеком. Владимир Васильевич Нежданов. Его, сибиряка, тоже много лет назад позвала в тревожную даль война. Великая Отечественная уже полыхала на западе, когда он молоденьким лейтенантом после окончания Минусинского автомобильно-мотоциклетного училища уходил на защиту Отечества.

Сначала был в резерве. Учил солдат. Учился сам. А на пороге уже маячили фронтовые будни.

Возрастная отметина у Владимира Васильевича Нежданова вполне солидная: как-никак 90 прожитых лет. В чём секрет долголетия? Не сразу и ответишь. А помогла мне неждановская рукопись. Впрочем, это уже книга.

История её такая. Вот говорят: через тернии к звёздам. Принёс Владимир Васильевич свою

рукопись одному городскому чиновнику в Петрозаводске. Пролегала она где-то около года. Потом он услышал: денег на издание книги нет. Сникнуть бы ветерану... А он вложил свои деньги, нашёл издателя. В минувшем году книга воспоминаний «Всё, как было» вышла в свет. Компьютерную вёрстку, печать осуществила небольшая типография местного госуниверситета.

Может, кому-то это и показалось бравадой, что ли, малоуместным бахвальством. Свидетельствую: это не так. Помогают в определении все 226 страниц текста и фотографии. Сам Владимир Васильевич, обращаясь к читателю, пишет: «Каждому, кому во время войны довелось хотя бы недолго быть на переднем крае, непосредственно в боевых порядках пехоты, тот без особого труда поймёт меня. Пусть в моём повествовании о делах и людях прозвучат гимн и имена солдат и офицеров Отдельной зенитно-пулемётной роты 322-й стрелковой Житомирской Краснознамённой дивизии».

Думаю, следует сделать лирическое отступ-

ление. Война уже вовсю полыхала. Как-то перед наступлением Владимир Нежданов впервые побывал на концерте ансамбля песни и пляски дивизии.

«После концерта были танцы. Танцевали танкисты и девчата из тыловых подразделений. Я пригласил партнёршу, ту, что неброско сидела в сторонке. И тут же её срочно вызвали – пришла секретная почта. Кто она, я не представлял, думал, чья-нибудь «ППЖ» тылового начальства. Позже мы встретились вновь. Узнал, как её звать...»

С войны возвращались вместе. У него на гимнастёрке ордена, и у неё Красная Звезда, медаль «За отвагу».

Кто знает сегодня, что такое фронтовая семья? Союз этот тянет, по крайней мере, на медаль. Хлопоты быта, переживания. Поначалу главным было – остаться в живых. А уж потом непростая работа по сближению характеров, привычек.

«Почему всё-таки в большинстве своём семьи военнослужащих крепкие, надёжные и дружные? Во-первых, любовь. Необходимо ещё понимание той особой миссии, которую выполняет муж – защитник Отечества. И если жена может поставить интересы мужа выше своих прихотей, тогда и жизнь совместная получается нормальной. Я не перестаю удивляться нашим офицерским жёнам. С умением какой птицы можно сравнить их искусство вить гнёзда жизни и в пятый, и в десятый раз? Жилья нет, работы нет, яслей и детсадов нет. Она сама и врач, и парикмахер, и кулинар. Денег тоже нет, мужа, считай, тоже дома нет – всё время на службе: в наряде, на учениях. Жизнь без выходных, без праздников. Вышла замуж за военного – значит, и ты служишь в армии.

Раньше я как-то, наверное, недостаточно уделял внимания семье. Всё вроде бы шло само собой. И только теперь, на склоне лет, оставаясь наедине с воспоминаниями, я понял: всё держалось на моей жене. Поэтому дети воспитаны трудолюбивые, общественно активные. Дочь Алефтина стала педагогом, сын Юрий – офицер».

Замечательное признание. Не пример ли это для всех наших семей!

53 года вместе с Ниной Ивановной. Радовать и радоваться бы. Но однажды... Минувшая война оставила свой жестокий след. После третьего инфаркта Нина Ивановна слегла и почти в одночасье ушла из жизни.

«В тот ноябрьский день похорон город был сух и опрятен. Слабый ветерок порой шуршал по асфальту чёрным сухим листом. А мы с сердечной болью провожали мою дорогую и любимую Нинолю в последний путь...»

Не скрою: у меня самого защемило сердце на этой страничке неждановской книги. И потекли скорбные дни одиночества.

«Мы все знаем, что мы смертны. Придёт и мне конец. А всё равно жить надо. Сейчас мне больше всего нужно сознание того, что я ещё необходим кому-то и дорог на земле. Это последняя возможность растопить лёд остывающего сердца – погреться в лучах весёлых и любящих глаз детей и внуков».

Владимир Васильевич оценивает старость как высоту, с которой виден остаток пути. Он задумывается над тем, что ещё не сделал, считает, что очень важно – уметь заглянуть вперёд.

– А госпитальная палата? – встреча-то наша здесь проходила.

– Так это же временно, – уточнил Нежданов и заметил: – Надо винтики в организме укрепить...

Вместе с ним в палате и его новая спутница жизни Елена Александровна. Она была женой подполковника Вдовиченко, который умер рано – в 49 лет.

– Нежданов и вы. Как вы нашли друг друга?

– Одиночество – тяжёлая ноша. И потом, я верю этому сильному человеку.

Вот такой у нас коротенький диалог вышел. Интонация Елены Александровны была очень тихой, не пафосной. Подумалось: у жизни всегда есть продолжение. Надо только верить.

Петрозаводчане часто видят эту пару на рекрёстке у памятника Анохину.

– Это наш сборный пункт, – улыбается Елена Александровна. – Здесь мы обмениваемся новостями со знакомыми. А потом идём к набережной, кормим уток у горбатого мостика. Совсем недавно всем миром отметили 90-летие Владимира Васильевича. Желали ему ещё больше долголетия, быть бодрым.

Прямо в точку. Я ощутил крепость его рукопожатия, не срывается ладонь со скользкой рукояти его неизменной тросточки. Встреча наша подходила к концу, когда Владимир Васильевич вынул из папки лист ватмана. На схеме, которую он вычертил сам, показан боевой путь его знаменитой дивизии: Украина, Польша, форсирование Одера, последние бои под Прагой. И мы снова окунулись в среду военного времени.

Удивительна связь времён. В немецком городе Грайфенберг Нежданов и его фронтовые товарищи с волнением всматривались в каменные черты великого Кутузова. Здесь в 1813 году его ранило. Вот он какой – победитель Наполеона...

А в Лейпциге Владимир Васильевич узнал цену интернационального братства, оценил особенности немецкой аккуратности. В этом городе на старом заводе его хозяева и русские мастера ударными темпами возвращали в строй нужную в послевоенные дни автотехнику, изготавливали запчасти. И как-то в Россию на имя Нежданова пришла письмо и медаль Общества германо-советской дружбы: «Мы помним Вас, герр лейтенант. И желаем Вам благоденствия». Вчерашние враги и их победители давно стали друзьями. Об этом напомнили своими подписями начальник полиции Лейпцига полковник Круме и начальник округа генерал Даль.

Уходит вдаль время. Из песенки о военном шофёре: «Мы вели машины, объезжая мины, по путям-дорогам фронтовым. Эх, путь-дорожка фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая. А помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела». Дел было невпроворот. На своей легендарной «полуторке» Нежданов носился по адресам ремонтных баз, отвечал за каждую израненную машину.

И ещё про горнило войны.

«Во время наступления из нашей роты отстал один взвод. Такое бывает: или взводный «схимичит», или машина подведёт. Командир роты дал мне задание разыскать наших и выяснить причину отставания. Я выехал навстречу наступающим войскам. На одном из участков дороги водитель не справился с управлением. Нашу машину развернуло – застряли. Я пошёл просить шофёров, чтобы нас вытащить. И в это время со стороны леса показались четыре немецких «тигра» с десантом на броне. Они нацелились окружить наших бойцов. И тут мой шофёр со страху вырвался из западни и уехал от меня. Я остался один, между землёй и небом. А бой идёт. Отправился искать своих. Под обстрелом танков и пехоты десанта. Обстановка хуже, чем на передовой, – укрыться негде, там хоть в траншее или окопе, а тут открытое место».

– И одним пистолетом не навоюешь, – уточняю.

– Да уж... А наша батарея 88-миллиметровых пушек по-быстрому расстреляла «тигры». Пехота, обозники уничтожили десант.

Боевых эпизодов в судьбе Нежданова не

счесть. Вспоминает, как форсировали реку Пельтев.

«Первый эшелон успел зацепиться за берег. А вот и второй, в котором была наша рота, оказался под шквальным огнём немцев. Всё смешалось в непроницаемую мглу, от которой веяло холодом смерти.

За годы войны я видел людей разных – и храбрых, и трусливых. Страх за жизнь? Это на войне испытывают все. Люди смелые, храбрые – люди большого сердца. Такие ощущают страх лишь после того, как опасность миновала. Малодушные – эти дрожат уже в ожидании огня. Трусость нельзя прощать никому, в каком бы мундире она ни таилась.

Сказать что про пехоту? Все рода войск жалели и уважали «царицу полей».

*Когда черна спина от пота,
Идёт по пахоте пехота...*

В обороне немый, небритый пехотинец терпит невообразимые лишения. Он беззащитен перед стихией природы, ибо окоп, выдолбленный наспех в промёрзшей земле, спасал его от пуль, но не от зимней стужи. А летом, в зной? Находиться в траншее, окопе несравненно хуже, чем наверху за бруствером. А пехота жила и воевала там. И как воевала!»

– О себе вы думали тогда? – вопрос ненароком.

– Меньше всего, – ясно и просто отвечает Нежданов. – Да и думать было некогда. Вокруг ежедневно было столько примеров самоотверженности и отваги, что казалось, будто люди, окружавшие тебя, рождены для подвига. В нашей роте в пулемётных расчётах были и девушки. Их мужество и бесстрашие в боях воодушевляли рядом воюющих солдат-мужчин. Было за что уважать этих хрупких девчат. Они смело шли в атаку, отдавали свои жизни за то, чтобы завтрашний день был мирным и светлым.

Как пишет Юлия Друнина:

*Я столько раз видела рукопашный.
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Что ещё хотелось бы вынести из этой волнующей встречи в госпитальной палате? Вот штрих из последних событий, уже отмеченных давностью. Как встретила ветерана-сибиряка Каре-

лия, ставшая для него второй родиной? Человек с войны и здесь, что называется, сгодился. Владимир Васильевич не отсиживался в благоустроенном мирном окопе. В Петрозаводске он берётся за серьёзную работу по реорганизации службы гражданской обороны. Подготовил текстовую графическую документацию. Полдня числился «гардеробщиком», остальные часы отдавал «оборонке». Как должен в трудный момент действовать отряд первой медицинской помощи? Нежданову и это не тёмный лес. Видели его на стройплощадке детской республиканской больницы, он здесь был заместителем главврача по административно-хозяйственной части.

А сколько встреч с боевыми товарищами, молодёжью! Тема одна – патриотическое воспитание. Не всё тут радует старого солдата.

«В печати и по радио, в телепрограммах встречаются утверждения, что ветераны – люди консервативные, все они живут ещё тем прошлым-хорошим, чуть ли не обожают сталинские и брежневские времена. В отношении к нам, бывшим фронтовикам, стало больше нетерпимости. Рушится связь поколений. Молодежь лишается живительных истоков патриотизма. Мне это сегодня не даёт покоя.

Встречали вы, наверное, молодых людей, которые смотрят на жизнь из салонов купленных им родителями лимузинов? А этот прикол юного

парнишки: «Ты, батя, воевал бы похуже – мы сейчас немецкое пиво бы пили».

Конечно, право на свой взгляд имеет каждый. Но надо помнить, что история – это то, что было. Заново написать её, тем более переписать – нельзя».

Какая-то доля категоричности у Владимира Васильевича есть. Но его можно понять. Он счастлив от того, что его биография соприкоснулась с биографией его любимой Родины. А какой Родина станет завтра для его внуков, друзей, знакомцев?

Владимир Нежданов навсегда зачислен в боевые списки патриотов.

Эдуард Анатольевич КОПЫЛОВ

родился в 1929 году.

В Карелии живет с 1956 г.

Работал в редакциях различных газет, на радио.

Член Союза журналистов с 1957 г.

Заслуженный работник культуры Карелии.

В журнале «Север» публикуется впервые.

